

Где же выход?

Успехи успехами, но над планами отца дамокловым мечом нависали проблемы: хлеб, скормленный скотине; колхозники и совхозники, предпочитавшие свои приусадебные клочки бескрайним общественным полям. Проблема казалась неразрешимой, но требующей решения. И принимать решение приходилось отцу, больше никому.

Историческая бесперспективность приусадебных хозяйств сомнения не вызывала и не вызывает. Они исчезли во всех странах, считающих себя развитыми. В высокоразвитой Америке доходит до абсурда: кое-кто ради удовольствия, по старинке, выращивает возле дома помидоры, перцы, баклажаны, даже капусту, но плоды своего труда не собирает никто. Их покупают в супермаркете, а овощи на подворье служат украшением наравне с цветами. Хозяева, использующие приусадебное хозяйство по прямому назначению, как правило, приезжие: русские, китайцы, вьетнамцы или мексиканцы.

Так было не всегда. В первой половине XIX века американцы держали огороды, с них кормились. И было там все почти как у нас: грядки, яблони, и траву косили косой, и отхожее место – во дворе, на три очка: два для взрослых и одно детское. Отмирание огородов и всего прочего происходило по мере возрастания производительности труда, специализации, ведь все необходимое для жизни можно в любой момент купить в ближайшем магазине.

Отец понимал, что за этим будущее, и всеми силами старался его приблизить. Но и старался не насильничать; ему казалось, что он вот-вот уговорит крестьян, убедит их, на цифрах и примерах докажет выгоду работы на общественном поле, а не копания в своем огороде, преимущество современной механизированной животноводческой фермы перед отжившим свое хлевом на заднем дворе. Он руководствовался логикой, а крестьяне хорошо знали реалии своей жизни, помнили недавние голодные времена. Могу однозначно засвидетельствовать, что он понимал и этот естественный крестьянский консерватизм, повторял украинскую поговорку: «Мы люди темни, нам абы гроши», но надеялся, что сможет переубедить упрямецев.

На XXI съезде отец, в который раз заговорив о наболевшем, обратился к делегатам с извечным вопросом: «Что делать?» Секретари обкомов знали ответ: крестьян уговаривать бесполезно, надо их заставить обобществить скот, запретить, пока не переделаны все дела в совхозе или колхозе, работать на своей делянке. Они считали, что время разговоров прошло, пора действовать и действовать решительно.

Но если с огородами еще оставалась определенная свобода маневра, то проблема личного скота, которого кормят общим хлебом, приобрела катастрофические масштабы. Я уже писал об украинской инициативе – принудительной продаже скота. Тогда, после окрика

из Москвы, власти на местах замерли в недоумении: с них требовали «догнать Америку», резко увеличить общее стадо. Сам Хрущев публично уговаривал своих земляков, калиновцев, добровольно продать коров колхозу. Всем известно, что граница между доброй волей и принуждением в России размыта. Для дела не вредно и чуть надавить... Вот и надавили.

5 марта 1959 года «Правда» снова предупредила: «Не заставляйте крестьян продавать коров!» Но уже к лету 1959 года потребление хлеба подскочило до опасного предела, снабженцы забили тревогу: если не принять решительных мер, расплодившиеся в личном владении коровы, свиньи, козы съедят все запасы, у дверей булочных выстроятся очереди, придется регулировать потребление, другими словами – вводить карточки. Страшное слово «карточки» перевесило все доводы. Варианты разрешения кризиса по-прежнему сводились или к резкому повышению цены, или... Отец убеждается, или его убеждают (разница тут только в словах), что без принуждения не обойтись.

24 июня 1959 года открылся очередной Пленум ЦК. Обсуждали дела в промышленности. Первым докладывал Константин Георгиевич Петухов, председатель Московского совнархоза, в недавнем прошлом министр тяжелого машиностроения. За ним следовали председатели совнархозов: Ленинградского, Сталинского, Свердловского и Днепропетровского. Завершил череду докладов председатель Госкомитета по химии Федоров и председатель Госплана Косыгин.

В будущем отец все чаще начнет передоверять доклады на Пленумах ЦК специалистам, «рангом пониже и шагом поближе» к обсуждаемой проблеме: министрам, председателям совнархозов, главам правительств союзных республик. Так он не только боролся с «культом собственной личности», но и воспитывал кадры, приучал к самостоятельности, к принятию на себя ответственности за страну. Не за горами время, считал отец, когда бразды правления страной перейдут в их более молодые руки. Вот и натаскивал своих преемников. Насколько успешно – покажет будущее.

Отец вступил в прения. Перед тем как заговорить по теме Пленума, он заявил, что пришло время определиться с коровами у горожан и с приусадебными участками у работников совхозов. Вопрос больной и мне неприятный, поэтому ограничусь цитатой: «В свое время (29 июня 1956 года. – С. Х.) мы приняли закон, ограничивающий возможности индивидуальных владельцев содержать скот в городах, – отец начал с истории вопроса. – Когда позже (с 1 января 1958 года. – С. Х.) мы освободили личные хозяйства колхозников, рабочих и служащих совхозов от обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству, тогда, по существу, открылись каналы для скармливания огромного количества хлеба скоту. Цены на хлеб нами установлены довольно низкие, а цены на мясо – сравнительно высокие. Становится выгодным покупать хлеб и откармливать им скот, что многие горожане и делают. Мы не можем поднять цены на хлеб, это политически неправильно, оно затронет интересы миллионов трудящихся. Снизить цены на мясо мы также не можем, его производство обходится пока еще дорого. Но нельзя оставаться равнодушным к тому, что продовольствие, предназначенное для снабжения трудящихся, истребляется скотом. Не следует ли подумать над тем, чтобы принять закон, запрещающий горожанам содержать коров, коз, свиней и другой скот. А козы – к тому же враги городских парков». Из зала раздались выкрики: «Правильно!»

«Скот рабочих совхозов, как известно, содержится за счет нелегального скармливания ему совхозных кормов, чем наносится ущерб интересам государства и всего народа, – отец перешел к другой, не менее «больной», теме. – С точки зрения обеспечения потребителей государства в мясе и молоке, скот рабочих и служащих не имеет существенного значения. У нас есть возможность обеспечить полное удовлетворение потребностей государства за счет колхозов и совхозов.

На декабрьском 1958 года Пленуме ЦК КПСС приняли решение о том, чтобы в течение двух-трех лет совхозы купили скот у своих рабочих и служащих. Сейчас этот процесс идет, нет необходимости его форсировать, но нельзя и ослаблять внимание к этому важному делу. Надо обязательно добиться, чтобы рабочие совхозов имели возможность *полностью удовлетворить свои потребности в мясе и молоке* за счет общественного производства совхозов на основе торговли».

Отец повторил, что он приветствует и колхозников, которые пожелают последовать примеру «совхозников», но тут же предупредил, что дело это добровольное, «нужно создать условия, чтобы колхозница *попросила* купить у нее корову. А это она сделает тогда, когда увидит, что за счет общественного производства в колхозе будет иметь нужные продукты животноводства, что молоко у ее семьи будет.

Однако «в ряде районов некоторые товарищи начали допускать перегибы, не создав необходимых условий, они требуют, чтобы колхозники продали своих коров колхозам. Если кто и дальше будет злоупотреблять, проявлять администрирование, то придется строго наказывать виновных и опубликовать об этом в печати».

Таким образом, проблема разделилась на три части: предлагалось горожанам скотоводческую активность запретить; работников совхозов убедить, что содержание скота им невыгодно; а колхозников пока не трогать, перегибов не допускать, но и добровольной передаче живности в колхоз не препятствовать. Что касается угрозы наказания за перегибы, то их, по мнению опытных начальников, допускали одни дураки, умные обходились без перегибов. К примеру, вместо того чтобы приказать владельцу продать корову, его можно спросить: «А где ты ее станешь пасти летом и чем кормить зимой?» Он все поймет и «добровольно» продаст ее по дешевке.

Участники Пленума приняли заявление отца на ура: наконец-то семафор открыт, можно действовать. С 30 июля по 15 августа 1959 года в союзных республиках были приняты законы, запрещавшие горожанам держать скот в личной собственности.

А вот пострадавшие от запретов владельцы скота – крестьяне и прочие – единодушно проклинали отца. Из множества его деяний, успешных и не очень, в их памяти осталось это одно. Так что, если говорить о политической репутации, то этим своим решением отец ее, в глазах не только горожан, державших скот, но и значительной части крестьян, не просто подорвал, а вконец испортил.

С другой стороны, большая часть горожан, не имевших скота, отца поддержала. Они постоянно жаловались, что спозаранку в магазинах оптом скупается весь хлеб на корм скоту и те, кто приходят за своей половиной буханки попозже, видят пустые полки.

Я тоже считал решение отца единственно верным, но мое мнение мало что значило, лишений я не испытывал, мясо, масло и молоко на столе у нас, естественно, не переводилось.

Мог ли отец принять иное решение? Имелась ли у него свобода маневра? Однозначно – нет. Повышение цен на хлеб, а следом и на картошку (ею тоже кормили скотину) – основу рациона беднейшей и самой многочисленной части населения, не только вызвало бы еще более негативную реакцию, но и стало бы политическим самоубийством.

Теоретически следовало продавать скотовладельцам дешевые корма, силос, и таким образом снять хлебную проблему. Но где их взять? Кормов катастрофически не хватало, выйти из кризиса могла помочь кукуруза, но внедрялась она туго, ее не столько выращивали, сколько выщучивали.

Предоставить приоритет индивидуальным буренкам по сравнению с совхозно-колхозным стадом отец тоже не мог. Об организации крупных ферм в частных руках и речи тогда не могло идти. Отец говорил о прибыли, но только применительно к совхозам и колхозам. Конечно, «логика прибыли» неуклонно вела в направлении, скажем осторожно, децентрализации, но отец находился в самом начале этого пути. Всему свое время!

В 1980–1990 годы общепринятым стало мнение, что решения 1959 года начисто разрушили личное крестьянское подворье. Я, как и подавляющее большинство моих сограждан, поверил. Оказывается, ничего подобного. Крестьяне приспособились, как они и ранее приспособлялись к любым поворотам российской истории. Обратимся к цифрам: до запрета 1959 года личное стадо колхозников насчитывало 12 миллионов 706 тысяч коров, у рабочих и служащих совхозов – еще 5 миллионов 776 тысяч. После всех запретов, к 1961 году, поголовье уменьшилось, но незначительно. У колхозников насчитывалось 10 миллионов 379 тысяч коров, а у рабочих и служащих совхозов – 5 миллионов 938 тысяч. По поголовью свиней, коз и овец та же картина.

Радоваться нечему, но и катастрофы не произошло. А вот в городах живность держать стало практически невозможно. Хорошо ли это? Одни ответят: «да», другие – «нет». Содержание скота в городах постоянный источник конфликтов и с властями, и с соседями. Становясь горожанином, приходится со многим расставаться, в том числе и с буренками.

В заключение процитирую И. Е. Зеленина, уважаемого ученого экономиста-агрария: «На протяжении хрущевского периода приусадебные хозяйства колхозников являлись основными производителями картофеля, овощей и яиц, давали около половины молочной и мясной продукции, которая частично реализовывалась на рынках. Продукция подсобных хозяйств горожан и работников совхозов почти целиком шла на собственное потребление, благодаря чему значительно улучшился рацион их питания, чему способствовало освобождение их от налогов.

В поставках товарной продукции государству доминировало общественное производство.

В 1960–1963 годах в среднем по СССР четвертая часть годового рабочего времени трудоспособных колхозников использовалась в подсобном хозяйстве. Сохранялось соотношение двух источников доходов семей колхозников – личных и общественных».